

УДК 903-03; 903.2

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ

Алексей Г. Марочкин^{1, @1, *}, Лариса Ю. Боброва^{2, @2, *}

¹ Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 18

² Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@1 comcon@yandex.ru

@2 chaika@kemsu.ru

Поступила в редакцию 02.02.2017. Принята к печати 11.09.2017.

Ключевые слова: случайные находки, неолит, эпоха бронзы, эпоха раннего железа, раннее средневековье, археологическая карта, юг Нижнего Притомья.

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства РФ № 33.2597.2017 / ПЧ.

Аннотация: Цель статьи – введение в научный оборот и археологическая интерпретация семнадцати древних предметов из коллекций Кемеровского областного краеведческого музея, музея-заповедника «Томская Писаница», музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ и Музея археологии и этнографии им. В. М. Флоринского ТГУ. Методология исследования построена на понимании термина «случайная находка» в аспекте частных случаев непреднамеренного обнаружения археологического местонахождения, что позволяет впервые использовать этот вид источников для историко-культурных реконструкций в этом регионе. В работе применены методы картографирования и ландшафтно-геоморфологического анализа, сравнительно-типологический метод, метод периодизации. Определено первостепенное значение случайных находок для уточнения археологической карты наименее изученных районов Притомья, связанных с территорией г. Кемерово и водораздельными пространствами томского правобережья. Установлена хронологическая группировка рассмотренных предметов и сделаны выводы о возможной связи группы каменных орудий с изылинскими, ирбинско-новокусовскими или крохалевскими поселениями неолита – начала развитой бронзы; о подтверждении случайными находками бронзовых ножей и кинжалов ирменского культурного доминирования в период поздней бронзы при наличии обменных связей с сопредельными культурными группами; о типологической близости серии случайных находок скифского периода в первую очередь синхронным комплексам Среднего Енисея, Ачинско-Мариинской лесостепи и Томского Приобья, а не памятникам лесостепного Приобья; о связи находок кулайского и посткулайского времени преимущественно с ритуальными практиками в культовых местах.

Для цитирования: Марочкин А. Г., Боброва Л. Ю. Случайные находки археологических предметов в южных районах Нижнего Притомья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 70–79. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-70-79.

Южные районы Нижнего Притомья представляют собой прибрежную часть р. Томь на участке от г. Кемерово до административной границы Кемеровской и Томской областей, а также прилегающие территории западных предгорий Кузнецкого Алатау и водораздельного Инско-Томского междуречья. Эти районы являются северными речными воротами в Кузнецкую котловину, местом, где Томь связывает её воедино с лесными пространствами Среднего Приобья. Пограничный характер юга Нижнего Притомья играл важную роль в историко-культурных процессах, имевших место в древности и средневековье. На этой же территории расположен уникальный для Западной Сибири Нижнетомский очаг наскального искусства.

Административное разделение Нижнего Притомья между двумя областями сыграло негативную роль в изучении его археологического наследия. В окрестностях г. Томска активные изыскания ведутся более столетия, и север Нижнего Притомья по праву можно считать одним из наиболее изученных в археологическом отношении районов Западной Сибири. В южной части сложилась диспропорция в исследованиях петроглифических комплексов и собственно археологических памятников. Писаницы р. Томь являются предметом пристального научного интереса со времен первых академи-

ческих экспедиций, в то время как исследования других археологических местонахождений до 1990-х гг. имели спорадический характер. В начале 1990-х гг. были проведены первые масштабные разведки в районе дислокации петроглифов [1]. Начиная со второй половины 2000-х гг. разведки и раскопки археологических памятников в этом районе приобрели планомерный характер (обзор см. в [2]). Это обусловило многократное увеличение источниковой базы, и позволило приблизиться к решению некоторых проблем, в частности вопросов периодизации древностей и культурно-хронологической интерпретации наскальных изображений [3].

В задачи настоящей работы входит обобщение сведений о такой специфической категории археологического наследия на рассматриваемой территории, как «случайные находки», картографирование и пространственный анализ подобных местонахождений, их культурно-хронологическая интерпретация.

I

Термин «случайная находка» в археологии имеет несколько толкований. Иногда с помощью него обозначают случайно оброненную, потерянную в древности вещь, что не совсем правильно, ведь процесс археологизации обусловлен

множеством факторов, то есть всегда случаен. Чаще под это определение попадают «новые», «необычные» для той или иной территории разновидности артефактов, но это может быть следствием недостаточной изученности региона. Существует еще один похожий подход, когда к «случайным находкам» относят предметы единичного импорта [4] или вещь в необычном, «культовом» контексте [5]. «Случайное» становится созвучно «единичному», «оригинальному» и призвано подчеркнуть неординарный характер формирования того или иного археологического контекста. При таком подходе «случайное» потенциально рассматривается как частное проявление «закономерного».

Наконец, «случайная находка» может обозначать археологическую вещь, обнаруженную непреднамеренно, вне целенаправленных исследований. Это также соответствует философскому определению *случайности* как *проявления результатов совпадения независимых процессов или событий*. В настоящей работе мы придерживаемся именно такой трактовки термина, акцентируя внимание, прежде всего, на *случайности обнаружения* какого-либо археологического объекта.

Профессиональные изыскания заведомо не могут охватить весь массив археологических памятников, истинное количество которых может на порядок превышать число выявленных местонахождений. Поэтому даже в относительно хорошо исследованных районах не редки находки археологических предметов, совершенные случайными людьми при различных обыденных занятиях – прогулках, обработке почвы, строительных работах, рыбной ловле и т. д.

Известны редчайшие примеры, когда автором «случайной находки» становится специалист-археолог – широко известна история открытия Б. Х. Кадиковым уникального неолитического могильника Усть-Иша, прологом к которому стало обнаружение каменного топорика, случайно замеченного им в куче щебня на автобусной остановке [6, с. 3]. Однако, в большинстве своем авторы «случайных находок» не обладают навыками профессионального поиска и не ставят его целью своих занятий (в данном случае мы не рассматриваем незаконную деятельность т. н. «черных археологов»). Это с лихвой компенсируется многовариантностью случаев и способов взаимодействия множества людей с ландшафтом (зачастую разрушительного для ландшафта), которые делают саму возможность «случайной находки» весьма вероятной.

Неопределенно большое число находок подобного рода остаются неизвестными, будучи неузнанными, выброшенными за ненадобностью или хранящимися в качестве «курьезов» в личных коллекциях. Некоторая часть попадает в поле зрения специалистов, превращаясь в археологический источник, иногда первостепенной важности [7–8]. Зачастую место «случайной находки» связано с нарушением почвенного покрова памятника, и выявленное таким образом местонахождение становится доступным для профессионального изучения [9, с. 33–34, 92–94]. Учет таких находок через просветительскую работу музеев, опросы местных жителей и краеведов становится важной исследовательской задачей.

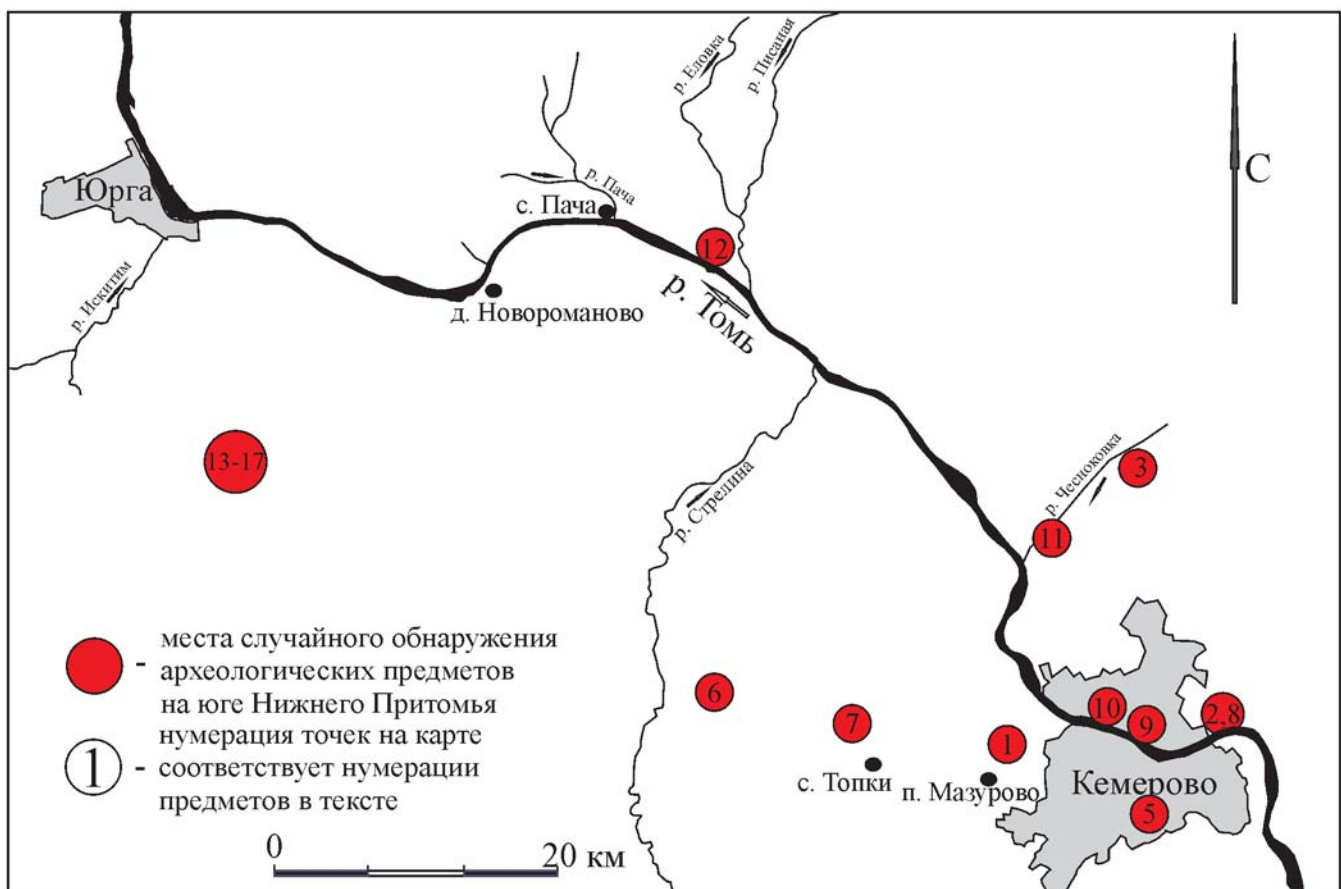

Рис. 1. Карта случайно обнаруженных археологических предметов на юге Нижнего Притомья
Fig. 1. The map of accidentally discovered archaeological items in the South areas of the Lower Tom' river valley

II

Недавно подготовлена и направлена в печать статья К. В. Конончука и А. Г. Марочкина [10], посвященная четырем предметам художественной металлопластики позднекулайского и посткулайского времени из случайных находок у Томской Писаницы. Не касаясь этих изделий, в настоящей работе мы рассмотрели остальные археологические находки из случайных сборов, сделанных на юге Нижнего Притомья в основном в 1950–1990-е гг., и частично находки XIX в. Учтены 17 предметов, хранящиеся в фондах Кемеровского областного краеведческого музея (КОКМ), музея-заповедника «Томская Писаница» (МЗТП), музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (КМАЭЭ), музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского ТГУ (МАЭС ТГУ).

Некоторые из них опубликованы ранее и представляют для данной статьи интерес, прежде всего, в плане картографирования и уточнения культурно-хронологической атрибуции «случайных находок». Остальные публикуются впервые (авторы выражают признательность сотрудникам вышеперечисленных музеев за предоставленную возможность ознакомиться с фондом случайных находок и публикации материалов).

№ 1. Тесло каменное (рис. 1–1; рис. 2–1). Найдено у села Мазурово (Кемеровский район Кемеровской области) в 1990 г. Константином Аболенцевым. Предмет передан на хранение в КОКМ (КП ОФ 9275, ВА 16/9), публикуется впервые.

Тесло трапециевидной формы, линзовидное в поперечном сечении. Асимметрия рабочего профиля выражена слабо. Большая часть поверхности орудия имеет следы шлифовки, на боковых гранях и обушке зафиксированы остатки двухсторонней оббивки. Общая длина – 90 мм, ширина лезвия – 38 мм, толщина – 7 мм, ширина в средней части – 36 мм, ширина обушка – 28 мм.

Однозначная культурно-хронологическая атрибуция вряд ли возможна. По аналогии с материалами поселенческих и погребальных комплексов Верхнего Приобья местонахождение следует датировать в широком диапазоне – неолит – развитая бронза.

№ 2. Тесло каменное (рис. 1–2; рис. 2–2). Найдено в 3 км выше деревни Красная, на правом берегу р. Томь, при впадении ручья Люскус (Кемеровский район Кемеровской области). Автор и год обнаружения неизвестны. Предмет передан на хранение в КМАЭЭ (КП ОФ 173, ВА 22/67), публикуется впервые. Краткое упоминание о находке имеется в одной из публикаций [11, с. 139].

Топор-тесло подпрямоугольной формы, овальный в поперечном сечении. Асимметрия рабочего профиля выражена сильно. Почти вся поверхность зашлифована. На обушке по одной стороне зафиксированы нерегулярные крупные сколы, вероятно, утилитарного характера. Общая длина – 105 мм, ширина лезвия – 40 мм, толщина – 19 мм, ширина в средней части – 41 мм, ширина обушка – 28 мм. Аналогии предмету находятся в комплексах неолита – развитой бронзы Верхнего Приобья.

№ 3. Рубящее орудие каменное (рис. 1–3; рис. 2–3). Найдено в 1950-е гг. на берегу р. Чесноковка (правый приток р. Томь) у деревни Красный Городок (ныне слита с поселком Кедровка), в 11 км от места впадения в р. Томь (Кемеровский район Кемеровской области). Автор находки

не установлен. Передано на хранение в КОКМ (КП ОФ 2451, ВА 16/7), публикуется впервые.

Массивное рубящее орудие, выполненное методом шлифовки из среднезернистого песчаника. Предмет имеет широкое кинжалоподобное одностороннее лезвие, переходящее в относительно длинную, округлую в сечении ручку. Видимые повреждения отсутствуют. Общая длина предмета составляет 440 мм при длине рукоятки до 200 мм. Толщина лезвия по обушке достигает 30 мм, толщина ручки – 43 мм. Ширина лезвия – 107 мм.

Достоверные аналогии предмету неизвестны, что не позволяет сколько-нибудь уверенно судить о его культурно-хронологической принадлежности.

№ 4. Тесло каменное (рис. 1–4; рис. 2–4). Обнаружено в 1963 г., в 200–300 м от правого берега р. Томь в школьном саду с. Колмогорова (Яшкинский район Кемеровской области). Передано Никифором Никифоровичем Кубилинским на хранение в КОКМ (КП ОФ 20449/3, ВА 16/1), публикуется впервые.

Тесло массивное шлифованное удлиненных пропорций, линзовидное в сечении. Форма орудия усложнена перехватом в центральной части – четко выражена граница между более широкой рабочей плоскостью и узким обушком. Асимметрия рабочего профиля выражена слабо. Обушок сбит, остальная поверхность видимых повреждений не имеет. Длина орудия составляет 197 мм при ширине до 54 мм и толщине до 32 мм. Ширина лезвия достигает 40 мм. Круг аналогий данному предмету довольно широк, датировка возможна только в широком диапазоне – неолит – развитая бронза.

№ 5. Тесло каменное (рис. 1–5; рис. 2–5). Найдено в 1971 г. в черте г. Кемерово, в районе телецентра. Геоморфологически место обнаружения соответствует третьей террасе левого берега р. Томь. Автор находки не установлен. Хранится в КОКМ (КП ОФ 2451, ВА 20/9), опубликовано впервые. Упоминается под № 449 в материалах к своду памятников истории и культуры Кемеровской области А. М. Кулемзина и Ю. М. Бородкина [11, с. 138].

Тесло небольших размеров, трапециевидной формы шлифованное, в сечении овальное. Видимых повреждений не имеет, за исключением небольшого скола в районе обушка. Длина предмета достигает 105 мм при ширине лезвия до 41 мм и ширине обушка до 28 мм. Толщина орудия в центральной части достигает 28 мм. Датировать предмет следует в диапазоне неолит – развитая бронза.

№ 6. Нож бронзовый (рис. 1–6; рис. 3–1). Обнаружен на левом берегу р. Стрелина (левый приток р. Томь) в 31 км от устья, южнее д. Терехино (Топкинский район Кемеровской области). Автор находки пожелал остаться неизвестным, нож на хранение не передал. Публикуется впервые.

Нож средних размеров со скошенным вниз уступом и слегка закругленным переходом от рукоятки к клинку со стороны спинки. Рукоятка прямоугольной формы с продольной выемкой в центральной части. Навершие утрачено. Лезвие прямое, заужено к острию. Общая длина ножа – 152 мм, длина лезвия – 85 мм, длина рукоятки – 67 мм. Ширина рукоятки – 17 мм, ширина лезвия в основании клинка – 22 мм.

Круг аналогий для ножей подобного рода очерчивается достаточно четко, что позволяет уверенно соотнести его с комплексами ирменской культуры поздней бронзы [12].

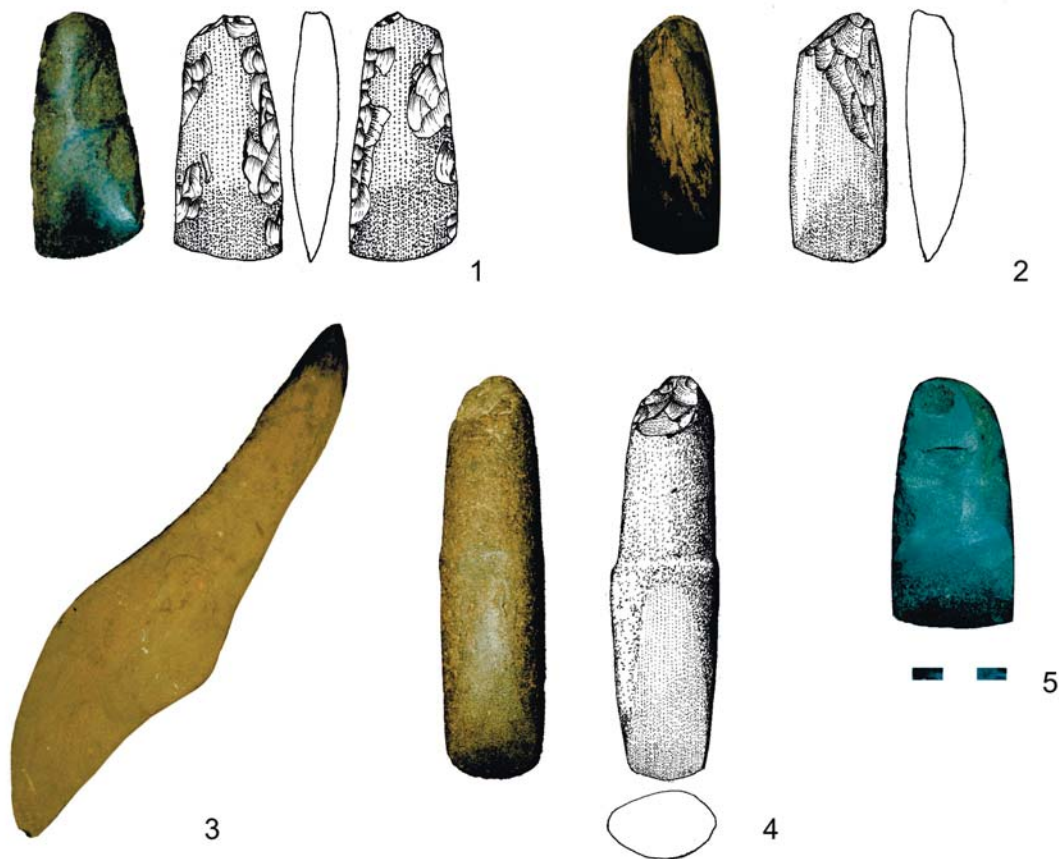

Рис. 2. Случайные находки на юге Нижнего Притомья предметов периодов неолита – ранней бронзы
 Fig. 2. Accidental finds in the South areas of the Lower Tom' River Valley of the Neolithic – Early Bronze items

№ 7. Нож бронзовый (рис. 1–7; рис. 3–2). Найден в 1950-е гг. в районе с. Топки (Топкинский район Кемеровской области). Передан на хранение в 1967 г. Юрием Ильцевичем. Хранится в КОКМ (КП ОФ 2704, ВА 16/4). Публикуется впервые.

Нож с односторонней заточкой, со скошенным вниз клинком. Клинок отделен от ручки шипообразной гардой. Сама ручка по обеим сторонам декорирована рельефным «елочным» орнаментом и увенчана грибовидной шляпкой с перемычкой. Острие обломано. Длина рукояти достигает 95 мм, длина сохранившейся лезвийной части – до 89 мм. Ширина рукояти – до 17 мм, ширина клинковой части – до 19 мм.

Типологически нож является ярким образчиком бронзовой индустрии лугавской культуры периода поздней бронзы [13].

№ 8. Кинжал бронзовый (рис. 1–8; рис. 3–3). Найден в устье р. Люскус (правый приток р. Томь) на территории городища ирменской культуры в 1982 г. сотрудником кафедры археологии КемГУ А. М. Каратаевым (Кемеровский район Кемеровской области, ближайшие окрестности г. Кемерово). Артефакт опубликован [14]. Хранится в КМАЭЭ.

В. В. Бобровым обоснована связь данной находки с культурами эпохи бронзы Причерноморья и предложена гипотеза о транзитном обмене между населением Европы и Южной Сибири в конце эпохи бронзы [14, с. 68].

№ 9. Топор-секира проушной бронзовый (рис. 1–9; рис. 4–1). По краткому сообщению А. М. Кулемзина, «бронзовый чекан с округлой втулкой» обнаружен у г. Кемерово на берегу р. Томь [11, с. 138]. По первоисточнику, предмет «найден в Верхотомской волости, Кузнецкого округа, близ

деревни Кемеровой, в земле, на берегу р. Томи, крестьянином Петровым. Доставлен Кузнецким исправником М. И. Казанцевым» в 1880-х гг. [15, с. 63]. В современных реалиях это черта г. Кемерово в его правобережной части. Хранится в МАЭС ТГУ (КП 1216). Фотография предмета – из научного архива музея КемГУ [16, с. 35]. Изображение артефакта опубликовано В. И. Мошинской [17, с. 145]. Детальное описание публикуется впервые.

Топор проушной с вытянутым узким, слегка закругленным лезвием и несимметрично выдающимся обухом. Втулка-проушина округлая, снабжена двумя боковыми отверстиями для крепления древка. Длина предмета – 170 мм, при этом на лезвие приходится 85 мм, а на обухок – 50 мм. Высота в обухковой части – до 20 мм, ширина лезвия – до 35 мм. Толщина лезвийной части и обухка – до 10 мм. Диаметр втулки – 30 мм.

Бронзовые проушные топоры-секирки с подобными типолого-морфологическими чертами характерны для оружейного комплекса тагарской культуры на ранних этапах её развития [18, табл. VI–12].

№ 10. Нож бронзовый (рис. 1–10; рис. 4–3). Найден на правом берегу р. Томь в черте г. Кемерово в 1986 г. Передан на хранение в КОКМ Львом Николаевичем Буздалкиным (КП ОФ 8103, ВА 16/8). Публикуется впервые.

Нож прямой пластинчатый с односторонним лезвием и плоской спинкой. Цельнолитой. Переход к клинку не обозначен. Окончание рукояти имеет округлое сквозное отверстие шириной до 4 мм. Общая длина артефакта составляет 155 мм. Ширина рукояти – 13 мм, лезвия – 11 мм. Изделие находит

многочисленные аналогии в материалах тагарской культуры раннего железного века [18, табл. VI–11, табл. VII–12].

№ 11. Фигурка лося бронзовая (рис. 1–11; рис. 4–2). Предмет обнаружен в 1980 г. Алексеем Степановичем Подругиным на берегу р. Чесноковка (правый приток р. Томь) примерно в одном километре от устья в окрестностях села Верхотомское (Кемеровский район Кемеровской области). Находка передана на хранение в КМАЭЭ (КП ОФ 191, ВА 22/17).

Подробнейшее описание и фотографическое изображение предмета опубликовано В. В. Бобровым [19]. Им обо-

снована принадлежность артефакта к кругу культовой металлопластики васюганского этапа кулайской культуры раннего железного века [19, с. 145].

№ 12. Фигурка всадника бронзовая (рис. 1–12, рис. 4–4). Артефакт обнаружен, по свидетельству А. Н. Кондакова, студентами-практикантами непосредственно на правом берегу р. Томь, участке между деревней Писаная и полигоном КузГТУ. Предмет передан на хранение в МЗТП (КП 4543, ВА 2/2).

Находка опубликована с констатацией её датировки эпохой средневековья [20]. Очень похожий предмет входит в

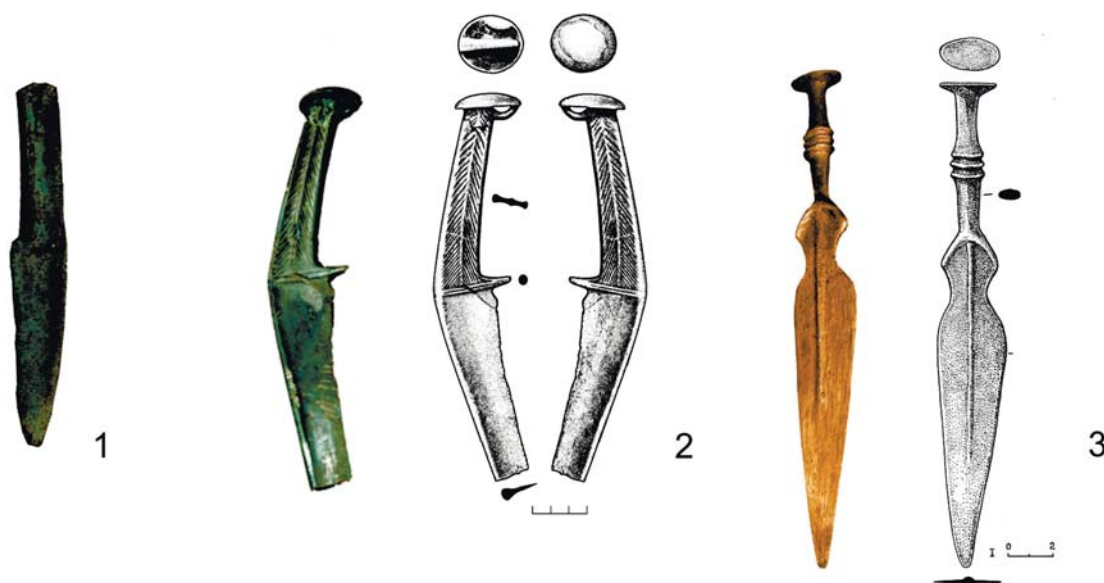

Рис. 3. Случайные находки на юге Нижнего Притомья предметов периода поздней бронзы
Fig. 3. Accidental findings in the South areas of the Lower Tom' region of the Late Bronze items

Рис. 4. Случайные находки на юге Нижнего Притомья предметов раннего железного века – раннего средневековья
Fig. 4. Accidental findings in the South areas of the Lower Tom' region of the Early Iron Age – Early Middle Ages items

коллекцию Елыкаевского клада из Среднего Притомья, который традиционно датируют ранним средневековьем [7]. Хронология Елыкаевской коллекции пересмотрена в сторону удреждения [21], что позволяет определить нижнюю дату рассматриваемого предмета в пределах V в. н. э., а возможное время бытования – в пределах второй половины I тыс. н. э.

№№ 13–17. Котлы медно-бронзовые и их фрагменты (рис. 1–13–17; рис. 4–5) в количестве пяти предметов найдены случайно в 1880-х гг. «крестьянином Василием Асановым при распахивании земли в районе деревни Колотовской Тарминской волости Кузнецкого округа» [15, с. 80–81]. В современных реалиях место находки связано с д. Колотовка у р. Сосновка Топкинского района Кемеровской области на значительном удалении от р. Томь, но в пределах ее бассейна.

Подробная информация об этих предметах включена в обобщающую статью о медно-бронзовых котлах скифо-сибирского времени Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи за авторством В. В. Боброва, Л. Ю. Бобровой и А. С. Савельевой [22]. В нашей работе мы ограничимся констатацией о принадлежности двух полностью сохранившихся изделий к разным типологическим вариантам по классификации Н. А. Боковенко [23, с. 46]. Первый котел по внешнему облику отнесен к первому варианту II типа (рис. 4–5а), второй, отлитый из чистой меди – ко второму варианту I типа подтипа «Е» (рис. 4–5б).

III

Анализ пространственного распределения случайных находок показывает: местонахождения приурочены к участкам с наиболее высокой антропогенной нагрузкой – черте г. Кемерово и его ближайшим окрестностям (рис. 1–1–2, 5, 8–10), дачным поселкам в правобережье р. Томь (рис. 1–3–4, 11–13) и селам Инско-Томского междуречья (рис. 1–6, 7). И это естественно, т. к. именно в таких условиях вероятность случайной находки наиболее высока. Поэтому вряд ли целесообразно оценивать ландшафтную группировку находок как отражение закономерностей культурного или хронологического характера. Вместе с тем обнаруженные предметы можно принять как маркеры археологических памятников, что существенно уточняет археологическую карту данного района.

Отдельного внимания заслуживает проблема выявления объектов археологического наследия на территории г. Кемерово. Расположенный на обоих берегах р. Томь областной центр включает в себя все типы ландшафтов юга Нижнего Притомья – высокие скалы с несколькими выраженными седловидными разрывами и обширными участками высоких пойм на правом берегу и каскад надпойменных террас с долиной относительно притока р. Искитимка на левом берегу. Такая ситуация не имеет принципиальных отличий от тех участков изучаемого района, на которых археологическими разведками выявлены относительно многочисленные памятники археологии. В полной мере это касается и ближайших пригородов г. Кемерово, где известны такие памятники, как Журганвань (раннее средневековье), Люскус-1 (поздняя бронза), Люскус-2 (средневековье), Суховское озеро (поздняя бронза), Пугачи-1 (ранняя бронза), Металлплощадка (неолит – ранняя бронза). На справедливый вопрос, почему непосредственно в городской черте, несмотря на активную её

застройку, не обнаружен ни один археологический памятник, пока вразумительного ответа нет. Особенно странной выглядит эта ситуация в сравнении с другими крупными городами, в том числе и с нашими соседями по Притомью – г. Новокузнецк и г. Томск. В этом случае именно случайные находки свидетельствуют о древнейшем прошлом города Кемерово и подчеркивают необходимость тщательного археологического надзора при хозяйственных землеотводах.

Второй аспект проведенного картографирования связан с проблемой преимущественной локализации археологических памятников в правобережной и левобережной частях юга Нижнего Притомья. На данный момент большинство памятников левого берега связаны с водораздельными пространствами третьих и четвертых надпойменных террас, отстоящих от современного русла на 2–4 км. На правом берегу, напротив, почти все известные памятники приурочены к высоким поймам или первым надпойменным террасам, расположенным непосредственно у воды. Сплошные разведки, проведенные в Яшкинском, Юргинском и Кемеровском районах в 2007–2016 гг. как будто подтверждают эту закономерность. Ей же следуют и результаты картографирования рассматриваемых в статье предметов – их левобережная часть расположена на более или менее большом отдалении от р. Томь, а правобережная вытянута вдоль береговой кромки. Исключение составляют находки на р. Чесноковка, уходящие своим месторасположением в водораздельные пространства Барзасской тайги. Это исключение (особенно с учетом картографирования археологических комплексов севера Нижнего Притомья) ставит под сомнение подобный вывод и не позволяет полностью отказаться от целенаправленных изысканий во «внутренних» районах правобережья, особенно в долинах крупных притоков р. Томь.

IV

Хронологически предметы, рассмотренные в статье, подразделяются на четыре группы. Периодом неолита – ранней бронзы можно датировать группу каменных топоров-тесел (рис 2). Периодом поздней бронзы – серию металлических ножей и кинжалов (рис. 3). Скифским периодом раннего железного века – бронзовые котлы, топор и нож (рис. 4–1, 3, 5). Наконец, финал раннего железного века и начало раннего средневековья маркируют бронзовая фигурка лося и изображение всадника (рис. 4–2, 4).

Недавно одним из авторов статьи разработана и опубликована периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья, построенная на совокупности материалов стоянок, поселений и могильников, изученных в данном районе в 1970–2010-е гг. Полученная схема достаточно подробна и формирует основание для начальной интерпретации культурно-исторических процессов [24]. Случайные находки, рассматриваемые в настоящей статье, дополняют эту схему в некоторых её разделах, но их значимость неодинакова.

Наименьшее количество информации несут топоры-тесла (№№ 1–5). За исключением оригинального изделия с р. Чесноковка, остальные орудия достаточно типичны для материальной культуры населения Северной Евразии в периоды неолита и ранней бронзы. Культурно-хронологическая дифференциация подобных орудий зачастую невозможна без контекста. Применительно к югу Нижнего Притомья они в равной мере могут принадлежать изыскан-

ским комплексам развитого неолита (*первая половина V тыс. до н. э.*) или ирбинско-новокусовским памятникам позднего неолита-энеолита (*середина V – первая четверть IV тыс. до н. э.*), известным на стоянке Долгая-1. Вполне вероятно связь подобных орудий с памятниками крохалевской культуры периода ранней бронзы (*последняя четверть III – середина II тыс. до н. э.*), наряду с другими крохалевскими стоянками и поселениями этого района (Долгая-1, Долгая-2, Ивановка-1 и Ивановка-1).

Три клинковых бронзовых орудий (№№ 6–8), как уже сказано, надежно соотносятся с древностями ирменской и лугавской культур. Самобытный по типу кинжал с Люсуса обнаружен в контексте ирменского поселения. В предложенной периодизации ирменские комплексы памятников Люсус I, Суховское озеро, Синеречка-1, Писаная-1, Долгая-1 и Медынинино-1 характеризуют периоды поздней бронзы (*XII–X вв. до н. э.*) и, в качестве рабочей гипотезы, переходное время к раннему железу (*VIII–VII вв. до н. э.*) [24]. Они характерны и для левобережной, и для правобережной частей юга Нижнего Притомья. Случайные находки собственно ирменских вещей (нож д. Терехино) не выпадают из общего территориального контекста. Более интересной находкой представляется лугавский нож из окрестностей с. Топки (№ 7). В литературе подробно рассмотрена проблема взаимодействия лугавского и ирменского населения в Ачинско-Мариинской лесостепи [25], и отдельные находки лугавских бронз, трактуемые как импорт, известны в других районах Кузнецкой котловины. В этом ключе следует интерпретировать и первую находку подобного рода на юге Нижнего Притомья. Похожая схема предложена и для интерпретации находок карасукских металлических вещей вне основного ареала культуры, в том числе в Среднем Приобье [26, с. 23]. Кинжал с Люсуса и лугавский нож из с. Топки не вносят корректив в культурную составляющую периодизации, отражая собой в первом случае пути транзитного обмена ирменцев с районами Южной Европы (по В. В. Боброву), а во втором – прямые культурные и торгово-обменные связи ирменского населения с носителями лугавской культуры в последней четверти II тыс. до н. э.

Литература

1. Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 140 с.
2. Марочкин А. Г., Плац И. А., Конончук К. В. Результаты археологической разведки 2015 г. в южных районах Нижнего Притомья // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. № 2. С. 58–66.
3. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года (01 января – 31 декабря 2010). Кемерово: ИП Скобликов, 2010. Вып. 2. С. 84–95.
4. Седых В. Н. Случайное как проявление закономерного // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематической научной конференции (16–19 декабря 2008). Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. С. 13–16.
5. Беляева В. И. Элементы случайного и закономерного в археологии палеолита // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематической научной конференции (16–19 декабря 2008). Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. С. 16–20.
6. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2000. 117 с.
7. Могильников В. А. Елькаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. № 1. С. 263–268.
8. Бобров В. В., Добжанский В. Н. Лебединский клад // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: тезисы докладов научно-практической конференции. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1989. С. 133–135.
9. Бобров В. В. Древности земли Кузнецкой (рассказы археолога). Кемерово: Издательство КРИПКиПРО, 2015. 166 с.

Скифский период раннего железного века в целом для Кузнецкой котловины изучен слабо, но анализ имеющихся источников характеризует ее как зону контакта между носителями скифо-сибирских культур Верхнего Приобья и Среднего Енисея – большереченской и тагарской [27]. Соглашаясь с этой гипотезой, один из авторов статьи допускает проникновение в южные районы Притомья групп кижировского (шеломокского) населения из Томского Приобья [24, с. 86]. Рассмотренные в статье случайные находки не противоречат установленной картине. Более того, они существенно дополняют круг источников этого периода – до этого момента скифо-сибирские древности в рассматриваемом районе были представлены только немногочисленной керамикой стоянки Долгая-1 и находкой фигурки кулана у Томской Писаницы. Важно осознавать преждевременность однозначной культурной атрибуции этих находок. Для различного типа котлов скифского периода характерно широкое распространение в степной и лесостепной зонах Евразии. Енисейские аналогии для ножа и топора из г. Кемерово (№№ 9–10) не исключают их возможной кижировской принадлежности.

Первичная атрибуция наиболее поздних предметов из исследуемой серии также подкреплена рядом достоверных аналогий. Фигурку лося с р. Чесноковка мы вслед за В. В. Бобровым относим к васюганскому этапу кулайской культуры, и в рамках общей периодизации этот предмет использован для характеристики комплексов III в. до н. э.–I в. н. э. [24, с. 86–87]. Принадлежность фигурки всадника можно определить только исходя из проблемы культурно-хронологической атрибуции т. н. «смешанных» кладов, относимых как к раннему средневековью, так и к позднекулайскому времени [21]. В любом случае, данные предметы хоть и служат косвенным подтверждением освоения юга Нижнего Притомья носителями поздне- и посткулайских культурных традиций, но по своему характеру экстраординарны. Их интерпретация непосредственно связана с изучением культовых мест финальных периодов раннего железного века и начала раннего средневековья.

10. Конончук К. В., Марочкин А. Г. Предметы художественной металлопластики из случайных находок у Томской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).
11. Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области: Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Вып. 1. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. 156 с.
12. Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4 / отв. ред. Молодин В. И. Новосибирск: Наука: Сибирская издательская фирма, 1993. 154 с.
13. Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 99 с.
14. Бобров В. В. Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Люскус // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1(45). С. 65–68.
15. Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. Томск: Типография Михайлова и Макушина, 1888. 276 с.
16. Фотографии предметов тагарской культуры из музея материальной культуры Томского университета // Научный архив музея КемГУ. Кемерово, 1968. № 182. 180 с.
17. Мошинская В. И. Баландинский клад бронзовых инструментов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 67. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 144–146.
18. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
19. Бобров В. В. Новая находка художественной металлопластики кулайской культуры // Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 144–146.
20. Конончук К. В. Археологическая коллекция музея-заповедника «Томская Писаница» как источник по древнейшей истории юга Нижнего Притомья // Депонированная рукопись. Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница». № 28. 19.03.2015.
21. Ширин Ю. В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Издательство Томского университета, 1993. С. 152–162.
22. Бобров В. В., Боброва Л. Ю., Савельева А. С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1(17). С. 104–122.
23. Боковенко Н. А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в Азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1981. С. 42–52.
24. Марочкин А. Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья // Археология Южной Сибири: сборник научных трудов, посвященный 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016. Т. 27. С. 83–89.
25. Членова Н. Л., Бобров В. В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991. С. 143–180.
26. Бобров В. В. Размышления о контексте случайных археологических находок // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематической научной конференции (16–18 декабря 2008). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. С. 20–24.
27. Бобров В. В. Погребения скифского времени Кузнецкой котловины в аспекте культурно-исторических процессов // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко / отв. ред. Молодин В. И., Шуньков М. В. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 275–286.

ACCIDENTAL ARCHAEOLOGICAL FINDS IN THE SOUTH AREAS OF THE LOWER TOM' RIVER VALLEY

Alexey G. Marochkin^{1,*,}, Larisa Yu. Bobrova^{2,@2,*}

¹ The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

² Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@1 comcon@yandex.ru

@2 chaika@kemsu.ru

Received 02.02.2017. Accepted 11.09.2017.

Keywords: accidental findings, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Early Middle Age, archaeological map, South of Low Tom region.

Abstract: The article introduces for scientific use and archaeological interpretation the items from the collection of the Kemerovo Regional Local History Museum, Museum-Preserve «Tomskaya Pisanitsa», the Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia museum (Kemerovo State University Museum) and the Museum of Archaeology and Ethnography (Tomsk State University). The methodology of the research is based on the definition of the term «incidental find» for particular cases of incidental finding of an archaeological site which allows one to use this type of sources for historical and cultural reconstructions in that region for the first time. The research

* *The work was carried out within the framework of the state task of the Ministry of the Russian Federation No. 33.2597.2017 / PCh.*

applies the methods of mapping and landscape-geomorphological analysis, comparative and typological method, periodization method. The article determines the main meaning of accidental finds for updating the archaeological map of the least researched Tom region areas connected to the territory of Kemerovo and watershed areas of the right bank of the River Tom. The work outlines the chronological group of the items and presents some conclusions about the possible connection of the stone tools with those from Izylinka, Irbinsko-Novo Kuskovo or Krokhal'evy Neolithic-Early period of the Developed Bronze Age settlements; about the accidentally found knives and diggers confirming Irmen cultural domination in Late Bronze period and exchanges with cross-border cultural groups; about typological proximity of a number of Scythian period accidental finds with the same period complex in the Middle Yenisey area, Achinsk-Mariinsk forest-steppe and Tomsk Ob River area; about the association of the Kulay and Post-Kulay period findings with ritual practices at cult places.

For citation: Marochkin A. G., Bobrova L. Yu. Sluchainye nakhodki arkheologicheskikh predmetov v iuzhnykh raionakh Nizhnego Pritom'ia [Accidental Archaeological Finds in the South Areas of the Lower Tom' River Valley]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 70–79. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-70-79.

References

1. Kovtun I. V. *Petroglify Visiashchego Kamnia i khronologiya tomских pisanits* [Petroglyphs Hanging Stone and chronology of Tomsk Pisanits]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1993, 140.
2. Marochkin A. G., Plats I. A., Kononchuk K. V. Rezul'taty arkheologicheskoi razvedki 2015 g. v iuzhnykh raionakh Nizhnego Pritom'ia [The results of the archaeological exploration 2015 in the southern regions of the Lower Pretoma]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» = Memoirs of the Museum-reserve «Tomsk Pisanitsa»*, no. 2 (2015): 58–66.
3. Kovtun I. V., Marochkin A. G., Rusakova I. D. Arkheologicheskie komplekсы v ust'e r. Dolgaia i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya petroglifov Novoromanovskoi pisanitsy [Archaeological complexes in the estuary is Long and the cultural-chronological attribution of Novoromanovskoye petroglyphs petroglyphs]. *Materialy nauchnoi sessii IECh SO RAN 2010 goda (01 ianvaria – 31 dekabrya 2010)* [Materials of the scientific session of the IEH SB RAS 2010: Proc. Sc. Conf. IEH SB RAS (January 01 – December 31 2010)]. Kemerovo: IP Skoblikov, no. 2 (2010): 84–95.
4. Sedykh V. N. Sluchainoe kak proiavlennie zakonomernogo [Random as a manifestation of the natural]. *Sluchainye nakhodki: khronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyi kontekst: materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (16–19 dekabrya 2008)* [Incidental findings: chronology, attribution, historical and cultural context: Proc. Sc. Conf. (December 16–19 2008)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2008, 13–16.
5. Belyaeva V. I. Elementy sluchainogo i zakonomernogo v arkheologii paleolita [Items a casual and natural in archaeology of the Paleolithic]. *Sluchainye nakhodki: khronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyi kontekst: materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (16–19 dekabrya 2008)* [Incidental findings: chronology, attribution, historical and cultural context: Proc. Sc. Conf. (December 16–19 2008)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2008, 16–20.
6. Kiriushin Yu. F., Kungurova N. Yu., Kadikov B. Kh. *Drevneishie mogil'niki severnykh predgorii Altaia* [The oldest burial grounds in the Northern foothills of the Altai Mountains]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, 2000, 117.
7. Mogil'nikov V. A. Elykaevskaya kolleksiya Tomskogo universiteta [Elykaevskaya collection of Tomsk University]. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet archaeology*, no. 1 (1968): 263–268.
8. Bobrov V. V., Dobzhanskii V. H. Lebedinskii klad [Lebedinsky treasure]. *Problemy izucheniya Sibiri v nauchno-issledovatel'skoi rabote muzeev* [Problems of studying of Siberia in the research work of museums]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1989, 133–135.
9. Bobrov V. V. *Drevnosti zemli Kuznetskoi (rasskazy arkheologa)* [Antiquities of the Kuznetsk land (stories archaeologist)]. Kemerovo: Izdatel'stvo KRIPKiPRO, 2015, 166.
10. Kononchuk K. V., Marochkin A. G. Predmety khudozhestvennoi metalloplastiki iz sluchainykh nakhodok u Tomskoi pisanitsy [The art of metal from random finds from the Tomskaya Pisanitsa]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia* (in press).
11. Kulemzin A. M., Borodkin Iu. M. *Arkheologicheskie pamiatniki Kemerovskoi oblasti: Materialy k Svodu pamiatnikov istorii i kul'tury SSSR* [Archaeological monuments of Kemerovo region: Materials to the Museum of History and Culture of the USSR]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, no. 1 (1989): 158.
12. Bobrov V. V., Chikisheva T. A., Mikhailov Iu. I. *Mogil'nik epokhi pozdnei bronzy Zhuravlevo-4* [The burial of the late bronze age Zhuravlevo-4]. Ed. V. I. Molodin. Novosibirsk: Nauka: Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993, 154.
13. Bobrov V. V., Kuz'minykh S. V., Teneishvili T. O. *Drevniya metallurgiya Srednego Eniseia (lugavskaya kul'tura)* [The ancient metallurgy of the Middle Enisey (Lugavsk culture)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 99.
14. Bobrov V. V. Kinzhalskiy gorodishche epokhi pozdnei bronzy na reke Liuskus [Dagger with a settlement of the late bronze age on the Luskus river]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia*, no. 1(45) (2011): 65–68.
15. Florinskii V. M. *Arkheologicheskiy muzei Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Tipografiya Mikhailova i Makushina, 1888, 276.

16. Fotografii tagarskoi kul'tury iz muzeia material'noi kul'tury Tomskogo universiteta [Photographs of Tagar Culture from the Museum of Material Culture of Tomsk University]. *Nauchnyi arkhiv muzeia KemGU* [Scientific Archives of the KemSU Museum]. Kemerovo, no. 182 (1968): 180.

17. Moshinskaia V. I. Balandinskii klad bronzovykh instrumentov [Balandinskaya hoard of bronze tools]. *Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevykh issledovaniakh Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief presentations on the reports and field studies of the Institute of history of material culture]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, no. 67 (1957): 144–146.

18. Vadetskaia E. B. *Arkheologicheskie pamiatniki v stepiakh Srednego Eniseia* [Archaeological monuments in the steppes of the Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka, 1986, 180.

19. Bobrov V. V. Novaia nakhodka khudozhestvennoi metalloplastiki kulaiskoi kul'tury [New find art metal Kulaika culture]. *Tropoiu tysiacheletii: K iubileiu M. A. Devlet* [Trail of millennia: For the anniversary of M. A. Devlet]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 144–146.

20. Kononchuk K. V. Arkheologicheskaia kolleksiia muzeia-zapovednika «Tomaskaia Pisanitsa» kak istochnik po drevneishei istorii iuga Nizhnego Pritom'ia [The archaeological collection of the Museum-reserve «Tomsk Pisanitsa» as the source on the ancient history of the South Lower Pretoma]. *Deponirovannaia rukopis'. Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul'tury Kemerovskoi oblasti «Istoriko-kul'turnyi i prirodnyi muzei-zapovednik «Tomaskaia Pisanitsa»* [Deposited manuscript. The State Autonomous Cultural Institution of the Kemerovo Region «Historical and Cultural and Natural Museum-Reserve «Tomskaya Pisanitsa»]. No. 28 (19.03.2015).

21. Shirin Yu. V. K istorii «kul'tovykh mest» Zapadnoi Sibiri [The history of «places of worship» in Western Siberia]. *Arkheologicheskie issledovaniia v Srednem Priob'e* [Archaeological research in the middle Ob]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1993, 152–162.

22. Bobrov V. V., Bobrova L. Iu., Savel'eva A. S. Medno-bronzovye kotly skifskogo vremeni iz Kuznetskoi kotloviny i Mariinskoi lesostepi [The copper-bronze cauldrons of the Scythian epoch from Kuznetsk basin and Mariinsk forest-steppe]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniĭ = Theory and practice of archaeological research*, no. 1(17) (2017): 104–122.

23. Bokovenko N. A. Bronzovye kotly epokhi rannikh kochevnikov v Aziatskikh stepiakh [The bronze cauldrons of Early Nomads Epoch in the Asian steppes]. *Problemy zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha zheleza* [The Problems of the West-Siberian Archaeology. The Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1981, 42–52.

24. Marochkin A. G. Periodizatsiia arkheologicheskikh drevnostei iuga Nizhnego Pritom'ia [The periodization of the archaeological antiquities of the South of the Lower Pretoma]. *Arkheologiiia Iuzhnoi Sibiri: sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 40-letiiu kafedry arkheologii Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archeology of Southern Siberia: a collection of scientific works dedicated to the 40th anniversary of the Department of Archeology of the Kemerovo State University]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, vol. 27 (2016): 83–89.

25. Chlenova N. L., Bobrov V. V. Smeshannye lugavsko-irmenskie pamiatniki raiona Kuznetskogo Alatau [Mixed lugovskailmenskie monuments of the district of Kuznetsk Alatau]. *Problemy arkheologii Evrazii* [Problems of archaeology of Eurasia]. Moscow: Nauka, 1991, 143–180.

26. Bobrov V. V. Razmyshlenie o kontekste sluchainykh arkheologicheskikh nakhodok [Thinking about the context of casual archaeological finds]. *Sluchainye nakhodki: khronologiiia, atributsiia, istoriko-kul'turnyi kontekst: materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (16–18 dekabria 2008)* [Incidental findings: chronology, attribution, historical and cultural context: Proc. Sc.-Prac. Conf. (December 16–18 2008)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008, 20–24.

27. Bobrov V. V. Pogrebeniia skifskogo vremeni Kuznetskoi kotloviny v aspekte kul'turno-istoricheskikh protsessov [Burial of the Scythian period of the Kuznetsk basin in the aspect of cultural-historical processes]. *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii: K 70-letiiu akademika A. P. Derevianko* [Fundamental problems of archaeology, anthropology and Ethnography of Eurasia: On the 70th anniversary of Academician A. P. Derevyanko]. Ed. V. I Molodin., M. V. Shun'kov. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2013, 275–286.